

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества
Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Вн. III.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

МОСКВА.

„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Гинцбургъ.
1889.

ДВѢ СТАТІИ

О КИРГИЗСКИХЪ И САРТСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ *).

(Съ приложеніемъ напѣвовъ).

I.

Киргизская поэзія находится на той ступени развитія, когда всякое литературное творчество въ полномъ смыслѣ слова составляетъ достояніе не однихъ избранныхъ лицъ, но цѣлаго народа. Лишенная всякой искусственности и тѣхъ литературныхъ эффектовъ, которые въ послѣдствіи непремѣнно проникаютъ во всякую поэзію, киргизскія пѣсни поражаютъ иногда дѣйствительно поэтическою прелестью, соединенною съ художественной простотою и правдивостью.

Въ музыкальномъ отношеніи киргизская пѣсня отличается какою-то особенною широтою мотива, но для того, чтобы

*) Печатаемая здѣсь двѣ статьи извлечены изъ архива Имп. Общества Люб. Естествознанія. Первая статья предназначалась для Записокъ Туркестанскаго Отдѣла Общества, изданіе коихъ не состоялось; она принадлежитъ г. Готовицкому, писавшему недавно о юридическомъ бытѣ киргизовъ (см. Юридическій Вѣстн. 1885, № 5), и хотя она написана довольно давно, однако не утратила живого интереса. Вторая статья, съ приложеніемъ нотъ, была прислана г. Поненигомъ на Моск. Антропологическую выставку (1879 г.) на нѣмецкомъ яз. и переведена по-русски покойнымъ М. Н. Харузинымъ; въ рукописи она была известна А. Н. Харузину (см. его изслѣд. „Киргизы Букеевской Орды“ вып. I, стр. 136, — въ „Извѣстіяхъ Имп. Общ. Люб. Естествозн. Антроп. и Этногр.“, т. 63). Обѣ статьи въ печати не были, и такъ какъ онѣ трактуютъ объ одномъ и томъ-же предметѣ, но при томъ такъ, что одна пополняетъ другую, то и печатаются вмѣстѣ. Ко второй статьѣ прилагаются мотивы, записанные г. Поненигомъ, и русскій переводъ имъ-же записанныхъ текстовъ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ киргизскихъ пѣсень, записанныхъ въ 1888 и 1889 гг. чл. Этногр. Отдѣла А. А. Ивановскимъ въ Семирѣченской области.

уловить его, нужно внимательно прослушать пѣсню нѣсколько разъ. Если первое впечатлѣніе, которое она производитъ на человѣка, не привыкшаго къ киргизской мелодіи, не можетъ быть названо особенно хорошимъ, то его далеко нельзя назвать также и непріятнымъ; а чѣмъ болѣе въ нее вслушиваешься, тѣмъ болѣе начинается нравиться самая ея своеобразность.

Киргизы большіе охотники до пѣнія; всѣ они чрезвычайно любятъ изливать въ пѣніи свои мысли и впечатлѣнія на какой либо извѣстный или ими самими импровизируемый мотивъ. Пѣвца по занятію, или *ойлянци* ¹⁾, поющаго свои пѣсни съ аккомпаниментомъ думбры, или трехструннаго инструмента въ родѣ гитары, киргизы слушаютъ съ видимымъ наслажденіемъ. Ни одинъ праздникъ, ни одно сборище народное не обходится безъ ойлянчи. Расположившись вокругъ него, слушатели устремляютъ на него все свое вниманіе и отъ времени до времени, увлекшись или содержаніемъ пѣсни, или удачнымъ переходомъ въ мотивъ, выражаютъ свое наслажденіе одобрительными восклицаніями.

Но кромѣ пѣсенъ специальныхъ пѣвцовъ, каждое семейное событіе, какъ то: свадьбы, рожденіе сына ²⁾, похороны поминки, непременно сопровождается пѣснями самихъ участниковъ церемоній, сложенными для этихъ случаевъ и поющимися мужчинами и женщинами, то хоромъ, то въ одиночку. Вообще почти всякая радость, всякое горе изливается у киргизъ въ пѣніи, которое въ большинствѣ случаевъ всегда прочувствовано и подчасъ производитъ глубокое впечатлѣніе на слушателя.

Мнѣ случилось разъ вмѣстѣ съ знакомымъ моимъ захватить въ одинъ большой аулъ. Киргизы весьма заинтересовались столь неожиданнымъ появленіемъ двухъ тюрей (чиновниковъ).

1) Семирѣченскіе и семипалатинскіе киргизы, по свидѣтельству г. Иванова, говорятъ *умѣнци* (отъ *умѣн*—пѣсня). Такъ называютъ простаго пѣвца, поющаго не собственныя пѣсни, въ отличіе отъ *акына*—пѣвца-слагателя.

Ред.

2) Рожденіе дочери не празднуется.

Одинъ изъ нихъ, бій и человѣкъ повидимому довольно достаточный, пригласилъ насъ зайти къ нему въ кибитку и зарѣзать барана. Та часть кошмы кибитки, которая оказалась обращенной къ сторонѣ вѣтра, была тотчасъ же поднята подъ „иргу“¹⁾, и въ этомъ просторномъ убѣжищѣ, прохладжаясь кумысомъ, подаваемымъ намъ двумя женами хозяина, мы нашли для себя защиту отъ сильно чувствуемаго въ степи дневного жара. Болѣе почетныя лица аула вошли и разсѣлись ближе къ выходу внутри кибитки, а остальные помѣстились вокругъ нея, то внимательно наблюдая за нами чрезъ рѣшетки кибитки, гдѣ была приподнята кошма, то разглядывая нашихъ лошадей и наши сѣдла.

Въ это время вниманіе наше было остановлено пѣсней, которая отзывалась неподдѣльною тоскою. Сильный и чистый женскій голосъ, mezzo-soprano, раздавался въ степи, какъ будто неподалеку отъ насъ. Я не могъ уловить мотива, но онъ былъ чрезвычайно оригиналенъ и разнообразенъ, и навѣрное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходилъ въ импровизацію. Вниманіе всей публики обратилось къ пѣснѣ; по лицамъ можно было заключить, что пѣсня нравится, что она понятна слушателямъ и нашла себѣ въ нихъ сочувствіе.

„Было время, — пѣлъ этотъ голосъ, — когда мой защитникъ, источникъ моего счастья былъ живъ, когда онъ красовался на бархатномъ (ворономъ) иноходцѣ, и когда я не была одинока. Ни одинъ путешественникъ, султанъ или казакъ, богатый или бѣдный, не проѣзжалъ мимо нашего аула, не посѣтивъ нашей кибитки. Распоряжаясь прислужниками, я старалась угодить тому, кто былъ лучшимъ изъ наѣздниковъ²⁾, и ухаживала за гостемъ. Всѣ относились къ намъ съ уваженіемъ, и тотъ, кто называется теперь волостнымъ, не разъ держалъ подъ уздцы иноходца моего мужа и господина. Время измѣняется; ишакъ (осель) сталъ перегонять быстрого бѣгуна. Кто захочетъ посѣтить теперь меня одинокую!..“

Оказалось, что пѣвшая эту пѣсню была вдова самого по-

1) Веревка, стягивающая кошмы (войлокъ), которыми закрыта кибитка.

2) Подразумѣвается умершій мужъ.

четнаго челоѣка въ аулѣ. По смерти мужа она перестала почти выходить изъ кибитки, которую она всегда старалась ставить вмѣстѣ съ другой, ей принадлежащей, въ отдаленіи отъ другихъ, и вообще предавалась одиночеству. По словамъ нашего хозяина, когда она не была замужемъ, она считалась лучшей пѣвицей всего аула и не разъ, вступая въ состязанія съ извѣстными ойянци, одерживала надъ ними верхъ своимъ искусствомъ и остроуміемъ. Теперь грусть по мужѣ служила единственнымъ содержаніемъ ея пѣсенъ, и какъ только до нея доходило извѣстіе, что въ аулѣ у кого нибудь гости, такъ та же печальная пѣсня оглашала аулъ и его окрестности. Между своими одноаульницами она пользовалась большимъ уваженіемъ.

Цѣня способность къ цѣнію и импровизаціи, киргизы, въ особенности молодѣжь, обращаютъ большое вниманіе на всѣхъ лицъ, обладающихъ этимъ талантомъ. Никакая дѣвица не можетъ имѣть столько поклонниковъ и вздыхателей, какъ та, которая заявила о себѣ своимъ остроуміемъ и своими пѣснями; точно также и хорошій ойянци, конечно, если онъ не старъ и не безобразенъ, пользуется такимъ расположеніемъ киргизскихъ дѣвушекъ, какого никогда не добьется ходжа ¹⁾, будь онъ богатъ, поглоти онъ всю мудрость мусульманскихъ книгъ въ бухарскихъ медресе (школахъ) и носи онъ на головѣ чалму какихъ угодно размѣровъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о разницѣ, существующей въ отношеніяхъ къ своимъ пѣвцамъ у киргизъ и у другого, сосѣдняго съ ними народа — (сартовъ. Пѣвцы послѣднихъ, или *гафизы*, хотя и пользуются большимъ вниманіемъ, чѣмъ „маскерабазы“, т. е. комедіанты, но на нихъ, не смотря на названіе, которое они носятъ ²⁾, смотрятъ всетаки какъ

¹⁾ Ходжами называются въ киргизской степи потомки первыхъ распространителей между киргизами магометанства и кромѣ того тѣ сарты, которые, развѣзая въ одиночку по степи, учатъ правиламъ мусульманской вѣры. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ подразумѣвать ходжу послѣдняго рода.

²⁾ Гафизъ—собственное имя одного изъ знаменитыхъ персидскихъ поэтовъ XIV в.; въ значеніи же нарицательнаго имени *hâfiz* означаетъ ученаго, изучившаго наизусть коранъ.

на ремесленниковъ искусства, которые могутъ явиться въ домъ или на пиръ не иначе, какъ по приглашенію. Между тѣмъ киргизы на своихъ пѣвцовъ смотрятъ съ такимъ же уваженіемъ, какъ смотрѣли арабы на своихъ пѣвцовъ-наѣздниковъ, и относятся къ нимъ почти такъ-же, какъ въ средніе вѣка относились къ миннезенгерамъ и менестрелямъ.

Подобно пѣвцамъ-наѣздникамъ арабскимъ, извѣстные киргизскіе пѣвцы предпринимаютъ иногда путешествія и, переѣзжая съ думброй въ рукахъ изъ аула въ аулъ, передаютъ въ своихъ пѣсняхъ преданія киргизской старины и любовныя похождения, или уже ранѣе сложенные въ пѣсни, или свои собственныя, въ которыхъ у ловкаго ойлянци не бываетъ недостатка. Нѣкоторые изъ ойлянци достигаютъ такой славы, что съ прибытіемъ ихъ въ аулъ, на сборище народное, одно изъ лучшихъ мѣстъ уступается имъ, и все присутствующіе ухаживаютъ за ними, какъ за почетными гостями. У сартовъ нерѣдко извѣстный своимъ искусствомъ пѣвецъ, позванный на „тамашу“, вторитъ танцующему мальчику и аккомпанируетъ его страстной пѣснѣ на своемъ дутарѣ вмѣстѣ съ другими музыкантами, играющими на бубнахъ и барабанахъ, и такимъ образомъ уже играетъ второстепенную роль въ зрѣлищѣ, гдѣ все вниманіе зрителей обращено на пѣніе и тѣлодвиженія мальчика. Если же извѣстный ойлянци поетъ на какомъ либо собраніи, то достаточно бѣглаго взгляда на слушателей, чтобы увидѣть, какъ все ихъ вниманіе сосредоточено именно на пѣвцѣ, на содержаніи его пѣсни и ея мотивѣ. Остроумное слово или удачный оборотъ мотива вызываютъ одобренія, а всякая помѣха пѣвцу встрѣчаетъ громкое неудовольствіе.

Хотя настоящія замѣтки не имѣютъ своимъ предметомъ пѣсни, поющіяся гафизами, но для того, чтобы болѣе рельефно выставить особенности киргизской пѣсни, нельзя не прибѣгнуть къ сравненію ея съ сартовской.

Содержаніемъ сартовскихъ пѣсень, кромѣ подвиговъ ихъ героевъ „палвановъ“, служить въ большинствѣ случаевъ воспѣваніе любви, описаніе женской красоты и любовныхъ

приключеній. Послѣдній видъ пѣсенъ сарты наиболѣе любить; какъ жители знойнаго востока, они внесли въ нихъ много страсти и неподдѣльнаго чувства. Ни въ содержаніи, ни въ мотивѣ этихъ пѣсенъ не сохранено того однообразно-оригинальнаго колорита, которымъ обыкновенно отличаются пѣсни народа цѣльнаго, не смѣшаннаго, и какъ бы въ соотвѣтствіи съ смѣшаннымъ происхожденіемъ сартовъ, въ пѣсняхъ ихъ можетъ быть подмѣчено нѣсколько оттѣнковъ. Однѣ изъ нихъ нѣжны и имѣютъ предметомъ своимъ описаніе чистой любви къ такому существу, душа котораго непорочна, какъ звѣзда; въ другихъ, наоборотъ, грубая страсть и чувственность проявляется въ каждомъ словѣ. Большинство первыхъ заимствованы изъ персидскихъ поэтовъ Саади (1184—1201) и Низами (1141—1202), или если и составляютъ произведенія поэтовъ джагатайскихъ, *) то принадлежать тѣмъ изъ нихъ, которые, какъ Миръ-Али-Ширъ-Навваи, подражали поэтамъ персидскимъ. Кромѣ того, особенно распространены пѣсни, заимствованныя у упомянутого выше одного изъ семи свѣтильниковъ персидской поэзіи, пѣвца любви по преимуществу — Гафиза, котораго воспѣлъ Гейне; имя его такъ популярно, что оно сдѣлалось нарицательнымъ для всѣхъ пѣвцовъ (гапизъ или гафизъ). Сообразно съ характеромъ содержанія пѣсенъ, и мотивы, на которые они поются, то нѣжны, мягки и не лишены нѣкоторой пріятности, то грубы, рѣзки и крикливы. Въ пѣсняхъ киргизъ такого различія не имѣется, и всѣ онѣ носятъ на себѣ одинъ исключительно имъ свойственный характеръ.

Манера исполненія сартовскихъ и киргизскихъ пѣсенъ также различна: первыя поются чрезвычайно громко и часто фальцетомъ; вторыя гораздо тише, болѣе *largo* и въ большинствѣ случаевъ естественнымъ голосомъ. Сартовскія пѣсни часто поются двумя или болѣе гафизами сразу въ одинъ тонъ; киргизскіе ойлянци, въ особенности болѣе извѣстные,

1) Этотъ терминъ прилагается къ восточно-турецкимъ діалектамъ Хивы, Бухары и Кокана, а также къ туркменскимъ діалектамъ Туркестана (Кашгаръ, Яркендъ и т. д.).

предпочитають пѣть одни, такъ какъ, при исполненіи solo, они имѣють болѣе возможности переходить въ импровизацію.

Особенное отличіе въ исполненіи киргизской пѣсни заключается также и въ томъ, что при пѣніи длинныхъ пѣсенъ ойлянци часто прерываютъ ихъ разсказомъ дальнѣйшаго содержанія пѣсни, сопровождаемымъ отъ времени до времени легкими аккордами, и потомъ снова смѣняютъ его пѣніемъ, иногда на прежній мотивъ, иногда на новый.

Обращаясь снова къ содержанію киргизскихъ пѣсенъ, необходимо упомянуть, что принятое въ литературѣ раздѣленіе поэзіи на эпическую, лирическую и драматическую можетъ быть вполнѣ удобно примѣнено и къ нимъ, хотя, конечно, послѣдній родъ можетъ существовать въ киргизской поэзіи только въ зародышѣ.

Къ пѣснямъ съ характеромъ эпическимъ должны быть отнесены всѣ пѣсни объ Аблай-ханѣ, Абуль-хаирѣ, Кенисары, Наурузъ-баѣ и проч. ¹⁾ Въ нихъ воспѣваются военные подвиги этихъ лицъ, и наиболѣе удачными являются тѣ мѣста, въ которыхъ описывается борьба киргизъ съ кара-киргизами, т. е. собственно казаковъ, съ кыргызами. Какъ-бы переходную ступень между отдѣлами пѣсенъ эпическихъ и лирическихъ составляетъ изложенная въ формѣ челобитной отъ имени Джанъ-киси Шалнеиръ Тлентина Коканскому хану Битемиру пѣсня лироэпическаго характера, въ которой весьма краснорѣчиво описываются притѣсненія, какія претерпѣвали киргизы при коканскомъ владычествѣ.

Пѣсни лирическія составляютъ самый значительный отдѣлъ. Кромѣ древней поэмы „Кузу-Курпечъ и Баянъ-Солу“, описывающей трогательную любовь и страданія двухъ влюбленныхъ, и нѣсколькихъ другихъ поэмъ, отдѣлъ этотъ состоитъ изъ множества болѣе короткихъ пѣсенъ, предметомъ

¹⁾ Аблай-ханъ—историческая личность прошлаго вѣка. Развалины его крѣпости и монастыря находятся за г. Устькаменогорскомъ (Семипалат. обл.), въ 6 верст. отъ Себинскаго пикета.—Ханъ Кенисары—предводитель разбойничьей шайки (см. ниже въ библіор. отдѣлѣ „Акимолинскія Взд“). Ред.

которыхъ служить описаніе природы, мѣсть гдѣ встрѣчались влюбленные, ихъ разлуки, страданія и т. п. Сравненіе, какъ во всей восточной поэзіи, играетъ здѣсь не малую роль, но сравненіе это далеко не выражается тѣми отчаянными метафорами, которыми такъ обильно наполнена поэзія персидская. Напротивъ, простота и отсутствіе искусственности служитъ отличительнымъ признакомъ этого рода пѣсенъ, какъ и всѣхъ киргизскихъ.

Если отыскивать сходство между киргизской лирической поэзіей и поэзіей другого народа, то это сходство возможно найти развѣ только въ поэзіи арабской домагометанскаго періода и до вступленія на поэтическое поприще Мутанабби (915—965), въ пѣсняхъ котораго уже не встрѣчается той простоты, какою отличаются моаллакаты¹⁾ и современныя съ ними древнія арабскія народныя пѣсни. Одинаковыя условія кочевой жизни одинаково отразились на народномъ творчествѣ, и проявленіе этого творчества у тѣхъ и другихъ кочевниковъ выразилось въ почти сходныхъ звукахъ, которые какъ бы являются отголосками другъ друга. Если древняя лирическая поэзія арабовъ нѣсколько страстнѣе киргизской и въ нѣкоторыхъ чертахъ энергичнѣе послѣдней, то основной мотивъ ея все-таки тотъ-же: тѣ-же встрѣчи двухъ влюбленныхъ, когда два рода во время кочеванія сходятся вмѣстѣ; тѣ-же мысли при разставаніи и тѣ-же мечтанья о новой встрѣчѣ. Холмы и песчаные бугры, овраги и балки, у которыхъ происходили свиданья, отзываются одинаковыми воспоминаніями; степной вѣтеръ наводитъ однѣ думы; пальма у арабовъ, тополь у киргизъ служатъ для однихъ и тѣхъ-же сравненій. Если бы Амрулкаисъ и Лебидъ, знаменитые арабскіе писатели до-магометанскаго періода, сочинили свои моаллакаты на киргизскомъ языкѣ, то они навѣрное были бы приняты киргизами не менѣе сочувственно, чѣмъ арабами.

Драматическая поэзія у киргизъ стоитъ на самой первона-

¹⁾ Буквальное значеніе слова моаллакаты—вывѣшенная. Такъ называются семь образцовыхъ арабскихъ поэтовъ, которые были написаны золотыми буквами на шелковой матеріи и вывѣшены въ храмѣ Каабы.

чальной степени своего развитія; это та-же пѣсня, только въ формѣ разговора двухъ лицъ. Часто пѣвецъ предпосылаетъ этому разговору небольшое предисловіе, гдѣ дѣлаетъ, короткое объясненіе о разговаривающихъ лицахъ и потомъ уже переходитъ къ самому пѣнію. У сибирскихъ киргизъ изъ этого рода пѣсень наиболѣе извѣстна „Болыкъ и Илентай“, у туркестанскихъ—„Будабай и Карлыгачъ“. Содержаніе ихъ имѣетъ предметомъ состязаніе разговаривающихъ, большею частью мужчины и женщины, въ остроуміи. Кто нибудь изъ нихъ задаетъ другому загадки и разные мудреные вопросы, и тотъ долженъ отвѣчать на нихъ, при чемъ иногда отвѣчающій выставляется чрезвычайно ловкимъ и удачно выпутывается изъ всѣхъ затрудненій, какъ Илентай въ первой изъ названныхъ пѣсень, а иногда попадаетъ въ просакъ и окончательно запутывается. Последнее наиболѣе часто приходится на долю ходжи, учившагося, какъ излагается въ пѣсняхъ, въ Бухарѣ и вступившаго въ разговоръ съ дѣвушкой, которая ему нравится. Неподдѣльный комизмъ во всей силѣ высказывается и въ злобѣ ходжи, который уже въ концѣ спора не знаетъ, что отвѣчать, и начинаетъ наконецъ браниться, и въ мѣткихъ насмѣшкахъ дѣвушки надъ его важною, ханжествомъ, бѣлой чалмой и проч.

Слушая пѣсни, имѣющія содержаніемъ одинъ изъ подобныхъ комическихъ разговоровъ, невольно вспоминаешь макамы Харири ¹⁾, хотя изложенныя не въ такой же формѣ, но дышашія такимъ же искреннимъ простодушіемъ и безыскусственностью. Весьма близко къ последнему роду пѣсень подходятъ дѣйствительныя состязанія пѣвцовъ (каимъ), слушать которыя киргизы такіе большіе охотники. Для того, чтобы участвовать на такихъ состязаніяхъ, нужно дѣйствительно обладать импровизаторскими способностями, такъ какъ мало того, что приходится придумывать отвѣтъ въ одну минуту, но его еще нужно изложить въ стихотворной формѣ и подъ аккомпаниментъ музыки.

¹⁾ Знаменитый арабскій писатель, Hariri (1054 — 1121), авторъ многихъ макамовъ, или небольшихъ рассказовъ юмористическаго характера.

Въ прежнія времена на всѣхъ сборищахъ, гдѣ присутствовали представители различныхъ киргизскихъ родовъ, непременно устраивалось такое состязаніе. Каждый изъ пѣвцовъ восхвалялъ родъ, къ которому онъ принадлежалъ, и сыпалъ насмѣшки сначала лично на своего противника, а потомъ уже и на всѣхъ его однокородцевъ. Нечего и говорить, что на долю побѣдителя приходились восторженные оваціи; слава его росла, пѣсни его заучивались наизусть, и имя его дѣлалось извѣстнымъ на громадномъ пространствѣ степи. Если на сборищѣ участвовали члены одного какого-нибудь рода, то состязаніе ограничивалось задаваніемъ однихъ загадокъ или насмѣшками пѣвцовъ другъ надъ другомъ.

Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ, какъ съ однимъ изъ лучшихъ ойлянчи въ Кураминскомъ уѣздѣ, по имени Карабала, вышелъ на состязаніе его бывшій учитель. Съ думбрами въ рукахъ они сѣли оба посреди слушающей публики. Начало было предоставлено бывшему учителю, пѣвцу довольно пожилому; онъ взялъ нѣсколько аккордовъ и въ первыхъ словахъ пѣсни сталъ предупреждать своего соперника, чтобы онъ берегся, подыскивая рѣшму и увлекшись состязаніемъ, нанести ему, своему бывшему учителю, оскорбленіе въ пѣснѣ. Противникъ его отвѣчалъ, что конечно онъ не забудетъ своихъ обязанностей къ бывшему учителю, но черезъ нѣсколько времени, послѣ того какъ тотъ не могъ отгадать какой то загадки, онъ ловко обвинилъ пожилого ойлянчи въ неумѣніи задавать ихъ; тотъ отвѣчалъ чѣмъ то въ родѣ того, что лучше, если бы его соперникъ призналъ себя побѣжденнымъ и т. д. Нужно было удивляться ихъ находчивости и быстротѣ сочиненія экспромтовъ. Долго они состязались съ равными силами, но въ концѣ концовъ Карабала оказался остроумнѣе своего бывшего учителя: онъ такъ сыпалъ его насмѣшками, что пожилой ойлянчи вышелъ изъ терпѣнія, сталъ отвѣчать не въ рифму и невпопадъ и наконецъ совершенно сбился, вызвавъ этимъ на себя массу шутокъ и со стороны развеселившейся публики.

Нѣсколько времени спустя, Карабала состязался въ моемъ

присутствіи съ другимъ извѣстнымъ въ Кураминскомъ уѣздѣ пѣвцомъ, по имени Сербала, который оказался силенъ въ остроуміи не менѣе перваго; но Карабала и на этотъ разъ остался побѣдителемъ, благодаря своему голосу и умѣнью пѣть. Слушателямъ пѣніе его такъ понравилось, что, прекративъ состязаніе, они заставили Карабалу пѣть solo одну изъ тѣхъ эпическихъ пѣсенъ, о которыхъ уже было говорено выше.

Самыми знаменитыми пѣвцами считаются нынѣ уже умершіе Урунбай и Наурузбай; на сочиненные ими мотивы и до настоящаго времени поются не только пѣсни, сложенные ими самими, но и многія другія. Изъ современныхъ, какъ на болѣе знаменитаго, можно указать на одного изъ почетныхъ киргизъ Перовскаго уѣзда Баймурада; имя его извѣстно далеко за предѣлами уѣзда.*) Въ 1878 году мотивы Баймурада проникли и въ Кураминскій уѣздъ, послѣ того какъ онъ побывалъ въ Ташкентѣ въ числѣ членовъ депутаціи отъ Перовскихъ киргизъ, привезшей деньги, которые были пожертвованы въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ.

М. В. Готовицкій.

II.

Нравы и обычаи народовъ всегда стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ ихъ умственной и нравственной жизнью и потому между прочимъ могутъ служить доказательствомъ ихъ умственныхъ способностей. Въ такой именно тѣсной связи съ жизнью находится у киргизовъ пѣніе, имѣющее для нихъ такое важное значеніе, какое оно едва ли имѣетъ у другихъ извѣстныхъ намъ народовъ находящихся еще на низкой степени развитія. Доказательствомъ этого могутъ служить нижеслѣдующія замѣтки, которыя подтверждаются и другими новѣйшими изслѣдованіями о киргизахъ.

*) Не менѣе извѣстенъ въ настоящее время пѣвецъ Нагойбай, характеристика котораго представлена ниже, въ особой статьѣ, Ред.

Почти всѣ важнѣйшіе моменты въ жизни киргиза такъ или иначе связаны съ пѣніемъ.

1. Обученіе чтенію происходитъ путемъ пѣнія отдѣльныхъ буквъ и слоговъ.

2. Всѣ празднества при сватовствѣ, обрученіи и свадьбѣ должны быть необходимо сопровождаемы пѣніемъ: въ нихъ для всякаго дѣйствія существуютъ особыя пѣсни, или же, еще чаще, онѣ тутъ же импровизируются ¹⁾.

3. При пѣніи погребальныхъ пѣсень соблюдаются извѣстныя правила. Онѣ поются оставшимися въ живыхъ родственниками втеченіе круглаго года по смерти члена семьи, при чемъ обязанность пѣть ихъ распределяется между родственниками покойника слѣдующимъ образомъ: въ случаѣ смерти мужа эта обязанность лежитъ на женѣ, а на матери—въ случаѣ смерти сына или дочери; по смерти жены причитать полагается ея взрослой дочери, за отсутствіемъ же таковой эта обязанность исполняется ближайшей родственницей. Мужчины поютъ похоронныя пѣсни только въ честь лицъ знаменитыхъ или вліятельныхъ въ народѣ и притомъ лишь во время самыхъ похоронъ ²⁾.

4. При лѣченіи болѣзней пѣніе также играетъ важную роль. Мѣсто врача здѣсь заступаютъ *бакси*, которые представляютъ собою остатокъ древняго шаманства. Но вмѣсто барабана шамановъ у нихъ двухструнный инструментъ, напоминающій скрипку, обвѣшанный колокольчиками и звякающими кусками желѣза разной величины и формы. Этотъ инструментъ называется *кобусъ*. Сюда относится еще колба, на верхнемъ концѣ которой навѣшены также колокольчики или желѣзные кольца, прикрѣпленныя къ четырехугольной дощечкѣ. На этомъ инструментѣ бакси аккомпанируетъ себѣ. Поетъ же онъ до тѣхъ поръ, пока не падаетъ въ конвульсіяхъ, которыя иногда бываютъ столь сильны, что его еле сдерживаютъ нѣсколько человекъ. Говорятъ, что есть бакси, которые во время такихъ припадковъ теряютъ совершен-

¹⁾ См. въ приложеніи № 15 и отчасти 12.

²⁾ См. въ прилож. № 16, 17, 18.

но чувствительность, такъ что втыкають себѣ въ тѣло вилки на цѣлый дюймъ, лижутъ раскаленное желѣзо, и наступаютъ на него. Придя къ больному, бакси прежде всего щупаетъ его пульсъ, потомъ поетъ съ акомпаниментомъ кобуса. Послѣ этого онъ беретъ овечій навозъ (kamulak) и отгадываетъ по немъ причину болѣзни. Тогда онъ объявляетъ хозяину, какого барана слѣдуетъ принести въ жертву, для исцѣленія больного. Когда барана зарѣжутъ, бакси беретъ теплыя еще легкія и, ударивъ ими три раза больного, бросаетъ ихъ собакамъ. Затѣмъ онъ снова затягиваетъ пѣсню и, наконецъ, дѣлитъ мясо между всѣми присутствующими, исключая самого больного. Вслѣдъ за тѣмъ бакси объявляетъ, что больной выздоровѣетъ, если только не умретъ въ продолженіе столькихъ-то дней. Въ эти дни бакси пребываетъ около больного и ежедневно по нѣскольку разъ поетъ пѣсни, при чемъ онъ часто лижетъ раскаленное желѣзо, что по общему вѣрованію очень облегчаетъ больного, такъ какъ бакси всякій разъ беретъ часть болѣзни на себя.

5. Ни одно торжество у киргизовъ не обходится безъ пѣнія. На многочисленныхъ празднествахъ состязаніе въ пѣніи является излюбленнымъ. Для этого уже заранѣе выбираются двое, извѣстные за хорошихъ пѣвцовъ. Но иногда выступаетъ кто нибудь изъ толпы и вызываетъ кого нибудь выступить противъ него въ качествѣ пѣвца. Если никто не отвѣтитъ на его вызовъ, то онъ въ импровизированныхъ стихахъ начинаетъ потѣшаться надъ всѣмъ собраніемъ. Но если онъ найдетъ себѣ противника, то состязаніе продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ пѣвцовъ не остановится, не умѣя отвѣтить противнику. Побѣжденный обыкновенно даритъ что нибудь побѣдителю. Выдающіяся состязанія остаются въ памяти слушателей и дѣлаются достояніемъ народнаго преданія ¹⁾.

6. Приближаясь къ какому нибудь аулу, киргизъ затяги-

¹⁾ На мотивъ состязанія построены пѣсни 13 и 14 въ приложеніи.

ваетъ пѣсню, и если онъ ѣдетъ одинъ, то онъ старается обратить на себя большее вниманіе жителей аула тѣмъ, что во время пѣнія рукою машетъ передъ ртомъ, чтобы казалось, что приближается нѣсколько человѣкъ.

Мнѣ кажется, что все сказанное достаточно подтверждаетъ высказанное мною въ началѣ статьи замѣчаніе, что въ жизни киргизовъ пѣніе имѣетъ такое важное значеніе какое оно едва ли имѣетъ у какого либо иного народа, находящагося еще на низкой степени культуры. И это обстоятельство, думаю я,—если только мы станемъ знакомиться съ произведеніями ихъ народнаго творчества,—можетъ привести насъ къ заключеніямъ, которыя будутъ имѣть важныя послѣдствія не только для нихъ, но и для насъ.

Еще не доѣзжая Ташкента, мнѣ удалось на одной почтовой станціи заставить одного киргиза пѣть мнѣ пѣсни въ продолженіе цѣлаго вечера. Онъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ инструмента, напоминающаго балалайку. Пѣніе его было большею частью импровизаціей, однако въ музыкальномъ отношеніи оно сильно заинтересовало меня. Тѣмъ болѣе удивительно было мнѣ слышать въ Ташкентѣ отъ людей, изъявляющихъ претензіи на пониманіе музыки, будто-бы киргизскія пѣсни не заслуживаютъ вниманія въ музыкальномъ отношеніи. Но г. Косовицкій, начальникъ отдѣленія канцеляріи ташкентскаго губернатора, хорошо знакомый съ киргизскимъ языкомъ, и г. Ибрагимовъ, уже много лѣтъ состоявшій переводчикомъ при генералѣ Кауфманѣ и жившій до этого долгое время среди киргизовъ, нѣкоторыми сообщенными мнѣ свѣдѣніями настолько возбудили мое любопытство, что я рѣшился достигнуть какихъ нибудь результатовъ въ этомъ вопросѣ.

Я заранѣе увѣренъ, что многіе будутъ сомнѣваться въ точности записанныхъ мною пѣсенъ и будутъ подозрѣвать, что я поддѣлывался подъ современный ладъ. Для такихъ читателей я опишу способъ и приемы, какими я пользовался, чтобы въ точности записать оригиналъ.

Прежде всего я обращалъ вниманіе на текстъ пѣсенъ

и записывалъ его точно въ отношеніи смысла и языка; при записываніи №№ 4, 5, 6, 7 и 8 мнѣ любезно оказывалъ помощь, какъ хорошо знакомый съ языкомъ, г. Н. П. Остроумовъ. Затѣмъ пѣсня пѣлась, а я перекладывалъ ее на ноты. При пѣніи присутствовали всегда нѣсколько киргизовъ, которымъ пѣсня также была знакома. Когда я убѣждался, что я вѣрно схватилъ мотивъ пѣсни, я ее самъ пѣлъ киргизамъ, пока они не объявляли, что я передаю мотивъ совершенно правильно. Добавлю при этомъ, что киргизъ всегда внимательно слушаетъ. Схвативъ такимъ образомъ мотивъ пѣсни, я при всякомъ удобномъ случаѣ пѣлъ ее какому нибудь другому киргизу, чтобы убѣдиться вполнѣ, что мотивъ вѣренъ.

Записываніе пѣсенъ представляло болѣе трудностей, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ, потому что киргизъ въ видахъ благозвучія мѣняетъ часто гласныя во время пѣнія. Гортанныя гласныя какъ напримѣръ *ы* онъ опускаетъ почти совершенно, между тѣмъ какъ согласныя *н*, *м*, *з*, *с*, преимущественно когда на нихъ оканчивается слогъ, онъ заставляетъ звучать съ особенной силой. Если же за одной изъ этихъ согласныхъ въ серединѣ слова слѣдуетъ еще другая согласная то хотя первая звучитъ такъ же сильно, но рядомъ и одновременно съ ней является еще короткая гласная; напримѣръ, въ пѣснѣ № 5 встрѣчается слово *азретынъ* (*asrätinn*),—такъ выговариваетъ киргизъ въ разговорѣ, но въ его пѣніи ясно слышится *азеретынъ* (*aserätinn*): онъ растягиваетъ звукъ *з*, причемъ рядомъ съ *з* слышится короткое *е* подобное французскому *e muet*, на которое падаетъ удареніе только въ пѣніи. Если спросить киргиза,—какъ я и дѣлалъ это всякій разъ,—почему онъ такъ именно произносить слова при пѣніи, то онъ отвѣтитъ: такъ по пѣснѣ надо. Ту же причину онъ выставляетъ и для слѣдующаго явленія. Онъ часто стягиваетъ въ одинъ слогъ два слога, иногда даже два слова. Въ концѣ № 7 мнѣ никогда не пѣли *биргайтсянъ*, а всегда *брайтсянъ*, хотя на слогъ *биръ* и стоитъ удареніе. Но дѣло въ томъ, что *ай* благозвучнѣе и дальше раздается по безпредѣльной степи, чѣмъ короткое *и*, а киргизъ любить, что-

бы его пѣсня была слышна далеко, поэтому-то онъ и предпочитаетъ въ этомъ случаѣ *ай*. По той же причинѣ онъ всегда прибавляетъ къ концу своей пѣсни и даже въ серединѣ и концѣ стиха—если это только возможно—двугласныя *ау* или *ю*. Чтѣ нужно ставить—*ау* или *ю*, это зависитъ отъ тѣхъ звуковъ, которые составляютъ послѣдній слогъ, отъ текста же пѣсни эти двугласныя не стоятъ ни въ какой зависимости.

У киргизовъ существуетъ только одногласное пѣніе. Обыкновенно поетъ только одинъ человѣкъ, иногда, въ видѣ исключенія, нѣсколько, но никогда болѣе четырехъ или пяти. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что киргизы сильно интересуются самымъ содержаніемъ пѣсни, слѣдить за которымъ было бы трудно при хоровомъ исполненіи.

Всѣ мелодіи киргизскихъ пѣсней имѣютъ гармоническую основу, и это основаніе имѣетъ всегда опредѣленно выраженный гармоническій характеръ (тональность, Tonalität). Хотя на дѣлѣ киргизамъ неизвѣстны никакія теоретическія правила гармоніи, но очевидно имъ отъ природы присуще тонкое пониманіе ея. Я игралъ киргизамъ на фортепьяно ихъ мелодіи, положенныя на четыре голоса, но не пѣлъ ихъ при этомъ. Пока, гармонизируя мелодію, я строго придерживался ея характера и тональности, они все признавали за свое и говорили съ удовольствіемъ: „звучитъ такъ густо“. Когда же я болѣе свободно гармонизировалъ мелодію, все-таки придерживаясь ритма, киргизы не узнавали своей мелодіи. Киргизамъ присуще совершенно опредѣленное пониманіе гармоніи, когда дѣло идетъ объ ихъ пѣсняхъ. Яснымъ доказательствомъ этого можетъ служить каденція (послѣдніе два такта) въ №№ 5 и 7. Когда я игралъ оба номера такъ, какъ они записаны мною, то киргизы признавали, что мелодія вѣрна; но какъ только я гармонизировалъ въ послѣднемъ тактѣ № 5 такъ: трезвучіе *b—dur*, трезвучіе *c—moll* въ терціи и конечный аккордъ *g—moll* въ квинтѣ, то они говорили, что это не такъ. То же самое было и съ № 7, когда я гармонизировалъ окончаніе мелодіи такимъ образомъ,

что въ трезвучіи *e—dur* доминантъ оканчивался на *f—dur*. Въ обоихъ случаяхъ такая каденція была бы вѣрна по теоріи.

Самая форма киргизскихъ пѣсенъ доказываетъ, что у киргизовъ прекрасное чувство мѣры въ построеніи пѣсни. Что киргизъ обладаетъ въ этомъ отношеніи тонкимъ чутьемъ и пониманіемъ, доказываетъ пѣсня № 6. Въ формѣ этой пѣсни мы замѣчаемъ неправильность очень непріятную для музыкальнаго слуха. Исполненіе этой пѣсни киргизомъ даетъ ясное доказательство, что и онъ это чувствуетъ также. Въ третьемъ тактѣ онъ дѣлаетъ небольшое *ritardando* и выдерживаетъ послѣднюю ноту этого такта такъ, что въ этомъ мѣстѣ происходитъ небольшая пауза. Я думаю, что для этого *ritardando* съ его остановками (здѣсь даже не появляются любимыя двугласныя *au* или *ya*) нѣтъ другой причины, кромѣ желанія уничтожить неправильность въ построеніи мелодіи, что дѣйствительно и достигается этимъ. Гдѣ же научились киргизы такимъ приѣмамъ? Можетъ быть, это обстоятельство, а также то, что раньше было сказано о гармоніи, чему нибудь да научить тѣхъ музыкальныхъ нигилистовъ, которые думаютъ, что всѣ музыкальныя теоріи—вздоръ, и не хотятъ понять, что всѣ теоріи не что иное, какъ выраженіе вѣкового и непрекращающагося откровенія, глубоко запечатлѣннаго Богомъ въ душахъ народовъ, что поэтому ни одинъ человѣкъ, одаренный даже богатѣйшими способностями, не можетъ создать ничего долговѣчнаго, если тщательное теоретическое изученіе не ляжетъ въ основу его творенія. Чѣмъ дальше мы отдаляемся отъ этого откровенія, тѣмъ скорѣе приближаемся къ упадку.

Киргизы, раздѣляясь на малую, среднюю и большую орды, отличаются другъ отъ друга и способомъ пѣнія. Я не имѣлъ случая слышать пѣвцовъ большой орды ¹⁾, но вотъ что говорили мнѣ о народныхъ пѣсняхъ этой орды киргизы двухъ остальныхъ ордъ: „Въ большой ордѣ поютъ совсѣмъ

¹⁾ Типомъ современнаго пѣвца большой орды можетъ служить Ногойбай, которому посвящена слѣдующая статья, какъ дополненіе къ этимъ двумъ статьямъ.

не такъ, какъ у насъ: любой пастухъ изъ нашихъ поетъ лучше, чѣмъ первый пѣвецъ изъ ихнихъ". Помимо желанія превозносить свое передъ чужимъ, мнѣ кажется, эти слова могутъ найти себѣ и другое объясненіе. Большая орда издавна кочуетъ въ сосѣдствѣ съ китайцами и находится въ постоянномъ съ ними общеніи; слѣдовательно, эти киргизы находились подъ вліяніемъ китайской культуры. Китайскія же мелодіи мы можемъ опредѣлить только посредствомъ монохорда, потому что у китайцевъ, какъ доказываютъ, кромѣ отбѣнка между тономъ и полутономъ, существуетъ даже интервалъ въ четверть тона, а съ другой стороны интервалъ, содержащій въ себѣ даже больше полутора тона. О гармоніи здѣсь и рѣчи быть не можетъ, почему у нихъ пѣніе исключительно одноголосное. Большая орда въ великой драмѣ прошлаго была оплотомъ, о который безсильно разбивались волны греческой, арабской, персидской и русской культуръ. Въ борьбѣ съ близкой къ киргизамъ цивилизаціей китайцевъ культуры этихъ народовъ не могли оставить глубокихъ слѣдовъ. Поэтому пѣніе въ большой ордѣ должно стоять въ ближайшемъ отношеніи съ пѣніемъ китайцевъ, и вслѣдствіе этого оно и является непонятнымъ и непріятнымъ для киргизовъ малой и средней орды, на которыхъ отразилось вліяніе совершенно иной культуры.

Мнѣ было очень интересно прослѣдить на дѣлѣ, какое вліяніе имѣетъ на народное пѣніе близкое общеніе народовъ между собою. Я докажу это примѣромъ. №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7 и 8 приложенныхъ ниже напѣвовъ, записаны отъ тѣхъ киргизовъ малой и средней орды, которые живутъ только въ степи и не находятся въ постоянномъ общеніи съ другими народами. Другіе киргизы, какъ напр. живущіе въ одномъ изъ самыхъ плодороднѣйшихъ округовъ — Кураминскомъ, не прерываютъ сношеній съ живущими въ этой мѣстности сартами, смѣшиваются съ ними, и даже занимаются хлѣбопашествомъ, сохраняя при этомъ отчасти кочевой образъ жизни. Интересно сравнить ихъ пѣсни съ пѣснями вышеупомянутыхъ степныхъ киргизовъ.

Обратимъ вниманіе на мотивъ № 3: мы найдемъ въ немъ большое сходство съ пѣсней № 2, записанною отъ киргизовъ, живущихъ постоянно въ степи. Оказывается, что № 3 есть видоизмѣненіе № 2; онъ даже поется въ Кураминскомъ округѣ съ текстомъ № 5, но сверхъ того и съ тѣмъ, который подписанъ подъ № 3. Я усматриваю въ № 3 ослабленіе № 2. Безпредѣльная степь, чистое безоблачное небо, подъ которымъ вамъ дышится такъ легко и свободно, просторъ и ширь, передъ которыми вы пожалуй чувствуете себя какъ бы приниженнымъ,—вотъ что, по моему мнѣнію, выражается характерно въ № 2, а въ № 3 исчезло почти безслѣдно. Предоставляю вкусу каждаго судить, которая изъ этихъ двухъ мелодій лучше.

Сартскія пѣсни стоятъ гораздо ниже киргизскихъ, какъ по красотѣ и поэтической глубинѣ мелодій, такъ и по нравственной чистотѣ самаго текста. Чтобы въ немногихъ словахъ охарактеризовать сартскія пѣсни, я скажу, что онѣ мнѣ всегда напоминаютъ Оффенбаха.

№№ 9 и 10—настоящія сартскія пѣсни. № 10 интересенъ между прочимъ тѣмъ, что первая половина этой пѣсни встрѣчается нота въ ноту въ одномъ изъ главныхъ мотивовъ оперы Глинки „Русланъ и Людмила“. Глинка вѣроятно слышалъ этотъ мотивъ на Кавказѣ, также какъ и свою лезгинку, потому что мелодія № 10 встрѣчается на Кавказѣ въ одной народной пѣснѣ. Безъ сомнѣнія, достойно примѣчанія, что одинъ и тотъ же мотивъ встрѣчается у двухъ народовъ, совершенно другъ отъ друга отдаленныхъ.

Русскій переводъ пѣсенъ 1, 2, 3, 9 и 10 сдѣланъ г. М. В. Косовицкимъ; г. М. П. Остроумовъ взялъ на себя трудъ перевести пѣсни 4, 5, 6, 7 и 8 *).

Р. А. Пфеннигъ.

*) Прилагаемый ниже переводъ пѣсенъ 1—8 (киргизскихъ) исправленъ г. А. А. Ивановскимъ и сверенъ съ подлинными ихъ текстами, которые мы помѣщаемъ подъ нотами.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ СТР. 73—90.

I. Пѣсни, записанныя Р. А. Пфеннигомъ.

а) *Киризскія.*

1. Подъ луною есть одна звѣзда красивѣе луны;
Искренно любящій другъ лучше богача.
Если дурной человѣкъ оскорбитъ тебя,
То и тогда лучше быть добрымъ, нежели гнѣваться.
2. Желтая земля лежитъ, какъ крышка «кереговъ»... ¹⁾
Золото родится въ желтой землѣ такъ же, какъ и желѣзо.
3. Черноокая! Я былъ такъ далеко отъ тебя. Здравствуй!..
Теперь я, радостно улыбающійся, возлѣ тебя.
Горячо любимая! Когда я былъ далеко отъ тебя, я сильно
тосковалъ;
Теперь для меня насталъ день счастья: ты--моя...
4. У гиѣдой пятилѣтней лошади нѣтъ хорошаго бѣга...
Вблизи нѣтъ аула... Впереди нѣтъ большого озера съ птицами.
Я пріѣхалъ издалека на гиѣдой пятилѣтней лошади.
Изъ бѣлой кибитки не выходитъ тонкая талія.
5. На Азретѣ сидитъ аистъ...
На золотомъ самоварѣ серебряный чайникъ.
Ты, подобно кречету, три раза перемѣнившему перья,
Ставь бѣлой, увидишь-ли наше зеркальце, сидя въ своей кибиткѣ? ²⁾.
6. Конь Таралазбанъ, на которомъ я всегда ѣзжу,
По грязи и по растаявшимъ болотамъ не можетъ идти.

¹⁾ Кереги—деревяныя рѣшетки, служащія основаніемъ юрты.

²⁾ Н. П. Остроумовъ перевелъ послѣдніе 2 стиха такъ:

Подобно кречету. и т. д.

Сдѣлавшись очень бѣлой, усидитъ ли въ своей кибиткѣ наше
зеркальце?

Бабушка моя не спитъ...

Тише, тише говори!

Намъ пѣсня—не работа.

Что другое и дорого, а пѣсня дешева.

Бабушка моя не спитъ и пр.

7. Конецъ міра прійдетъ,—не успѣетъ глазъ моргнуть.
У дѣвушки талія тонка, какъ мѣдный кувшинчикъ.
Быактау, Макпалау! ¹⁾ Я не нашелъ своего аула.
Ирь залифя залау! ²⁾ Только скажи разъ, и я буду.
Сдѣлаешь дѣвушкѣ добро и не увидишь его,
Все равно, какъ спрятанный въ песчаную землю кувшинъ.
Быактау, Макпалау! и пр.
8. Ауль мой откочевалъ на «Тогузь-байга» ³⁾.
Бѣлая кибитка поставлена на зеленую траву.
Изъ всего народа я полюбилъ и выбралъ только тебя, дорогая.
Дай-же Богъ много лѣтъ Батимѣ!

б) *Сартскія.*

9. Пускай будетъ постоянно ночь
И день обратится въ ночь.
Когда я увижусь съ возлюбленной,
Была бы такая ночь, которая бы не разсвѣтала!
О, прости, мой Боже!
Между розъ, возлюбленная,
Тебя я увидѣлъ;
Ты сама знаешь, другъ мой,
Что я тобой очарованъ (горю).
Прости, о Боже!
Пускай мечеть обратится въ медресе (школа),
А посреди пролежала бы дорога...

¹⁾ Собств. имена.

²⁾ Фраза непонятна. Ирь—мужчина, остальные слова татарскія (?) или сартскія (?). А. И.

³⁾ Въ окрестностяхъ Оренбурга; въ буквальн. переводѣ означаетъ „тридцать скачекъ“.

Если бы былъ справедливый царь,
 Всякій бралъ бы себѣ въ жены свою возлюбленную.
 Прости, о Боже!

10. ¹⁾ Устремляю я напрасно на дорогу взгляды.
 Съѣда нѣтъ, лишь нагайка у меня осталась.
 Но не жалко, что оставилъ гдѣ-то я сѣдло;
 Жалко то, что въ томъ же мѣстѣ милая осталась.

II. Киргизскія пѣсни, записанныя А. А. Ивановскимъ.

11. Величаніе хозяину (предъ началомъ пѣнія).

(Мактагын).

Ты, Сарсенбай,—почетный человѣкъ, богатый, съ малыхъ лѣтъ богатырь, ты всегда щедрый, умный и разсудительный.

Хвалить буду тебя, буду богатымъ и я. Пѣсни пѣть тогда буду я день и ночь.

Сарсенбай у меня человѣкъ уважаемый. Денегъ у тебя полные мѣшки лежать. Я считаю тебя за прекраснѣйшаго человѣка.

„Лучше Сарсенбая никого нѣтъ“,—такъ всегда я буду хвалить тебя въ своихъ пѣсняхъ. У Сарсенбая богатства много. Во всемъ мірѣ не могъ найти такого щедраго, какъ Сарсенбай.

Сарсенбай, ты любишь ѣздить на иноходцѣ; сѣдло и сбруя—изъ серебра; одежда на тебѣ вся дорогая. Щедрость твоя велика.

Ты—человѣкъ большой справедливости; съ малыхъ лѣтъ ты

¹⁾ Перев. М. В. Косовицкаго, см. стр. 91. Переводчикъ, очевидно, старался, чтобы и русскій переводъ пришелся по нотамъ, оттого переводъ не вполне дословный. Поэтому мы привели въ другомъ переводѣ № 9, который случайно оказался записаннымъ и переведеннымъ также у г. Готовицкаго. У г. Поенинга (перев. Косовицкаго) № 9 читается такъ:

1. „Иду я, не дожудся тьмы ночной, чтобы смѣнила день собой. Съ ней когда настанетъ встрѣчи часъ, пускай будетъ ночь всегда. Да проститъ мнѣ Богъ грѣхи!

2. Между розъ въ первый разъ тебя я встрѣтивъ, былъ плѣменъ тобой. Ты сама вѣдь знаешь, другъ мой, что сильна моя любовь. Да проститъ и пр.

3. Если (бы?) государь правдивый зналъ про любовь и страсть мою, отдалъ бы приказъ онъ лично насъ соединить съ тобой. Да проститъ и пр.—

Который переводъ вѣрнѣе предоставляемъ судить специалистамъ. *Ред.*

имѣлъ большое богатство. Если я буду хвалить тебя въ пѣсняхъ, надѣюсь, ты сдѣлаешь мнѣ подарокъ.

Ты—дорогой, дороже золота, дороже крѣпкаго булата. Я тебя не сравняю съ другими людьми; я считаю тебя за родного брата.

Около тебя постоянно терлись (вертѣлись) красивыя дѣвушки. Много есть людей, завидующихъ твоей красотѣ.

Ты только одинъ родился такой дорогой. Счастье твое больше счастья всего народа. Соберись и пятьдесятъ юношей, ни одному изъ нихъ не сравняться съ тобой.

Твои глаза остры и веселы; на красномъ умномъ лицѣ—черныя брови. Щедрость и счастье равны у тебя.

Руки у тебя, какъ золотыя. Все у тебя дѣлается съ умомъ. Если посадишь около себя красавицу, невольно она влюбится въ тебя.

Если откроешь ротъ, съ неба течетъ медь. Отъ лба твоего исходить блескъ, подобный солнечному. Твое тѣло сотворено изъ огня (такъ ты пылокъ!).

Изъ тысячи людей я не могъ найти лучше тебя. Если бы ты былъ птицей, то былъ бы лучше всѣхъ птицъ, былъ бы красивѣе даже попугая.

Во рту тридцать зубовъ, всѣ серебряные, брови золотыя. Лицо твое похоже на золото и серебро. Увижу тебя стоящимъ или сидящимъ, отъ красоты твоей пьянымъ дѣлаюсь.

12. Объясненіе въ любви.

Милая! Ты—бѣлый лобъ и я—бѣлый лобъ. Въ мірѣ не родилось еще такого человѣка, какъ ты, дорогая. Какъ съ неба орелъ, спустился я къ тебѣ. Дорогая, какой дашь мнѣ подарокъ?

Въ Москвѣ двѣ лошади ѣли соль. Одна изъ нихъ покачивалась (была иноходцемъ), потряхивая чолкой. Лошадь, прибѣжавъ издалека, стала сухая. Благополучна-ли ты, дорогая и милая моя.

Въ Москвѣ есть дѣвицы-красавицы, каждая стоитъ пять тысячъ рублей. Я привезъ тебѣ калоши, какихъ и онѣ не носили никогда.

Не я-ли стосковался по тебѣ, а ты—по мнѣ? Сильно любимая! Чѣмъ намъ даромъ шататься, лучше намъ сойтись обоимъ вмѣстѣ.

Я тебя искалъ пять лѣтъ, а ты, должно быть, обо мнѣ не ду-

мала? Я писалъ прошлаго года тебѣ письмо,—„прійдетъ“, думалъ. Теперь я пріѣхалъ сюда искать тебя.

Я давно женихъ твой, дорогая, милая моя! Не томи меня, не будемъ понапрасну тратить время, подумай да стели постель... Одна ты у меня, любезная!

Ты для меня съ малыхъ лѣтъ красавица. Я искалъ тебя и, по милости Бога, нашелъ. Дамъ, что только запросишь, дорогая, но утѣшь меня, дай хорошій (благопріятный) отвѣтъ.

Невѣста отвѣтила: Ты меня искалъ и пріѣхалъ издали, дорогой. Я, только что ты успѣлъ пріѣхать, тотчасъ же пищу поставила. Я тосковала по тебѣ съ малыхъ лѣтъ. Если вздумаю пойти къ тебѣ, спрошу отца.

13. Споръ Ирбая съ Батимой.

(Ибраймен Батиманынг айтысканы).

Батима. Я тебя, Ибрай, люблю страстно и постоянно о тебѣ думаю. Пріѣзжай ко мнѣ скорѣе, поведемъ дѣло гласно.

Ибрай. Нѣтъ, я тебя любить не намѣренъ. Если хочешь вести дѣло гласно, то, видно, не любишь меня.

Б. Сдѣлаемъ на это условіе въ присутствіи родителей, соберемъ на пиръ много казаковъ (киргизовъ) и будемъ спорить. Кто оспорить, какой ему подарокъ?

И. Если ты переспоришь меня, буду служить работникомъ у тебя. А если жъ я переспорю тебя, то какая мнѣ будетъ награда?

Б. Я не думаю, чтобы ты переспорилъ меня; но если переспоришь, то я буду тебѣ законная жена.

И. Хорошо, я согласенъ на все. Будемъ гулять съ тобою вмѣстѣ. Знай, что къ веснѣ я пріѣду къ тебѣ.

Б. Нѣтъ, дружокъ, ты останешься у меня. Мнѣ будетъ скучно безъ тебя. Не говори, чего не слѣдуетъ. Я ни за что не останусь безъ тебя.

И. Нѣтъ, останешься безъ меня. У тебя есть другой любовникъ, —объ этомъ я узналъ отъ постороннихъ людей.

Б. Ахъ, дружокъ мой безцѣнный! Ты лучше всѣхъ! У меня кромѣ тебя нѣтъ никого, за это я ручаюсь головой.

И. Это увидимъ по окончаніи спора. Если я возьму тебя, то товарищи будутъ смѣяться надо мной.

Б. Надо мной нечего смѣяться. Дай Богъ, чтобы ты былъ наказанъ за то, что говоришь, не зная.

И. Зачѣмъ ты ругаешь меня, подлая? Пусть Богъ судить меня, если я говорю неправду; на это есть свидѣтели.

Б. Ахъ, душа моя, любимый мой, вкусъ твой сладкій, сахарный, медовый! Говори, Ибрайка, сколько душъ угодно, а я никогда не забуду тебя, удалый молодецъ!

И. Батима золотоволосая и чернобровая! Сквозь шею видно, какъ ты глотаешь пищу. Въ мірѣ равной тебѣ я не считалъ никого.

Б. Голова у тебя, какъ у богатыря, безъ тебя мнѣ не весело. Теперь я и пѣть не могу; намъ нужно перестать и пирь начинать.

И. Я ранѣе зналъ, что такъ и должно быть. Хорошо, перестанемъ пѣть, если ты будешь моей женой и будешь любить меня.

Б. Ибрай, умная у тебя голова. Чѣмъ меня брать, возьми лучше 15 лучшихъ лошадей.

Узю барган джокъ, 15 ат берып кутылды—сама не вышла за него, а отдала 15 лошадей.

14. *Состязаніе во взаимовосхваленіи.*

Милая, черныя брови, писанныя перомъ! Удивится красотѣ твоей всякій, кто увидитъ тебя. Между Петербургомъ, Омскомъ и Семипалатинскомъ не родилось еще ни одного человека красивѣе тебя!

Милый, бѣлые зубы, сладкіе, какъ сахаръ, сладкіе, какъ „казы“ (нѣчто вродѣ нашей колбасы), рѣзанные наискось, сладкіе, какъ „ялъ“ (шеина), сладкіе такъ-же, какъ если-бы я съ сахаромъ, урюкомъ и конфетами пила вкусный фамильный чай цѣною въ десять рублей фунтъ.

15. *Первое формальное знакомство жениха съ невестой.*

(Кюсу илан калындыгын косарда айткан джирлар)

Молитва „Алхамъ“ стоитъ въ нѣчалѣ корана.

О, любовь, любовь (джар, жар! ¹⁾)

¹⁾ Послѣ каждого стиха.

Всѣ пророки находятся передъ Богомъ.

Одинъ—жемчугъ (мерруарт), а другая „маржанъ“ (красн. камень)

Одинъ—яхонтъ (яхут), а другая—изумрудъ (қаухар).

Двое безгрѣшныхъ вмѣстѣ соединились:

Одинъ—царь, а другая—царица;

Одинъ, какъ серебро, а другая, какъ золото, красивы.

На одной дочери пророка женился Гали,

Съ того времени начали устраивать игры и пиры.

Не трогайте у черныхъ коровъ рога;

Отъ матери не отдѣляйте дочери.

Съ дѣвкой парень видится на пирушкахъ.

Въ черную воду класть ледъ,—унесетъ;

Отдать дѣвушку въ дальнюю землю,—не увидишь.

Двѣ постели и пять подушекъ—мало будетъ.

Одинъ, какъ солнце, а другая, какъ мѣсяцъ, сошлись.

Будьте неразлучны до скончанія вѣка!

О, любовь, любовь!

16. Плачъ матери по умершемъ сынѣ.

(Анасыя улгѣн баласына джилаганы).

Ахъ, ты, любимый мой сынокъ, ты, дитя, оставилъ меня! Богъ самъ далъ, самъ взялъ. Всѣ люди сами знаютъ объ этомъ.

Я теперь осталась безъ сына. Послѣ смерти сына нутро (животъ) разгорѣлось; я не могла ходить отъ печали. Теперь мы ничего не можемъ сдѣлать безъ тебя. Все знаетъ самъ одинъ Богъ.

Ахъ, Боже мой, далъ сына ты на радость, взялъ въ наказаніе. Я похудѣла. О, сынъ, теперь ты умеръ, а бывало, играя, ты сосалъ молоко изъ груди моихъ.

Ты теперь не тоскуешь, про меня не думаешь; я плачу день и ночь, думая о тебѣ. Плачу я: нѣтъ у меня сына; стою, нутро горитъ; одна дума о тебѣ.

О, дитя, я плачу, думая о тебѣ; нѣтъ тебя играющаго, нѣтъ тебя бѣгающаго. О, Боже, зачѣмъ ты взялъ его, зачѣмъ унесъ его, какъ быстрая лошадь! Прошло веселое время...

На сердце печаль пала... Осталась я одна, несчастная, громко

рыдающая мать. Ты ушелъ, дорогой, въ дальній путь. Зачѣмъ я живу на свѣтѣ съ такою печалью!

Увижу чужого мальчика, еще больше плачу; плачу, когда стану думать о любимцѣ моемъ. Не прощался ты когда уходилъ. Богомъ данный, единственный сынъ, гдѣ теперь я увижу тебя?

Милый мой, любимый, единственный сынъ, съ бобровой головой (басымдагы кундызым), отчего Богъ не взялъ меня туда, гдѣ лежишь ты? Горитъ мое сердце, нутро переворачивается...

Хожу вокругъ тебя, любимый, послѣ тебя не осталось у меня никого. Осталась я одна, какъ трава, стоптанная лошадьми.

Давить тебя черная земля. Закрыли тебя тесомъ, могилу сравняли съ землей. Теперь ты, не прійдешь ко мнѣ, дорогой. Осталась твоя карая лошадь.

Ахъ, любимый сынъ, большой былъ у тебя умъ. Дай Богъ, чтобы ты нашелъ себѣ мѣсто въ раю!

Я хожу кругомъ твоей могилы, единственный сынъ, какъ небесная звѣздочка. Тебѣ вернуться нельзя; ты ушелъ въ такое мѣсто, откуда нѣтъ возврата... О, горе, горе мнѣ!..

17. Плачь жены по умершемъ мужѣ.

(Хатыны улгѣн бани джок таганы).

Буду стихи начинать, если вы мнѣ позволите. Я смерть порицаю; объ этомъ нужно запѣвать.

Всѣ умираютъ; нѣтъ никого, кто-бы вѣчно оставался въ живыхъ. Я объ этомъ и не пѣла-бы, если-бы не было такъ велико горе мое.

Если я буду лѣть со слезами, не прійдешь ли ты, мой милый? Я готова плакать по три раза въ день.

Я буду просить объ этомъ безпрестанно. Если-бы ты пришелъ обратно, я была-бы очень тому рада.

Если буду думать о тебѣ, очень грустно будетъ мнѣ. Недавно ты былъ живъ, а теперь оставилъ насъ сиротами.

Смерть хитрая подкралась къ тебѣ какъ разъ въ то время, когда намъ съ тобой, мой любимый, только бы играть да веселиться.

Я теперь осталась безъ веселья. Люди умираютъ во всемъ мірѣ... При тебѣ я была всегда сыта, теперь же совсѣмъ голодна.

Буду молиться Богу, буду просить за своего покойнаго мужа, буду во всѣ стороны раздавать милостыню.

Ты былъ человѣкъ честный, благодѣтельный, щедрый. Если къ тебѣ собиралось и сто гостей, ты всѣхъ ихъ принималъ.

Великій Богъ взялъ тебя. Теперь мнѣ ходить по-міру... Гдѣ мнѣ искать тебя? Земля тебя скрыла отъ меня.

Имѣлъ пророкъ сына Омара... Много плакать—грѣхъ. Въ раю восемь отдѣленій; отворишь въ него дверь, пріятный запахъ пойдетъ.

Имѣлъ пророкъ сына Идриса. Вездѣ смерть приходитъ неожиданно. Горько мнѣ вспоминать о тебѣ.

Имѣлъ пророкъ сына Сыдыка. Уѣхалъ теперь ты, мой родимый супругъ, далеко. Нѣтъ веселья безъ тебя.

Я пою губами и пошевеливаю тридцатью зубами. Много постороннихъ людей постоянно вспоминаютъ о тебѣ.

Дорожить тобою стоило: я не знала никого лучше тебя. Теперь ты лежишь покойно. Не стану я больше плакать.

18. Утѣшеніе оплакивающей покойника.

Поютъ, когда нужно остановить плачъ.

Не плачь ты, молодая, будетъ тебѣ плакать, хорошая молодуха. Ахъ ты, смерть, всегда людей разволнуешь! Теперь, молодуха, будетъ ужъ плакать, перестань!.. Много хорошихъ людей умирало и о нихъ много также пѣли пѣсенъ. Хотя и убѣдительно просили Бога, но ни разу мертваго Онъ не дѣлалъ живымъ. Умираютъ цари, богатые, богатыри, большіе и малые... Не плачь-же больше!..

ПОПРАВКИ И ДОБАВЛЕНІЯ.

Ю II кн. Стрн. 5, стрк. 13 сн., вм. 631 чит. 531 (въ опечаткахъ исправлено невѣрно).

Стрн. 39, № 24: о „Висраміани“ ошибочно сказано, что извѣстенъ англійскій переводъ; слѣд. читать: „извѣстенъ персидскій текстъ, изд. въ Калькутѣ (Wis o Romain и пр.) и нѣмецкій переводъ (Zeitschr. der Morgenländ. Gesellsch., B. XXIII):

Бѣ III кн. Стрн. 6, стрк. 4 и 11 снизу, вм. domicin чит. domasin

— 29—40 нѣсколько разъ	„ табли	„ табла
— 31 стрк. 1 сн.	„ н	„ и
— 36 — 15 „	„ нервый	„ первый
— 38 — 12 „	„ есть	„ ѣсть
— 53 — 4 св.	„ высѣлка	„ высѣкла
— 123 — 4 „	„ нѣснѣ	„ пѣснѣ
— 134 — 7 сн.	„ ete	„ etê
— — — 9 „	„ gelos	„ gelôs
— 160 — 6 „	„ Трауенберга	„ Трауенберга
— 91 — 5 св.	„ № 5	„ № 2.

По поводу статьи г. Поненнига слѣдуетъ замѣтить, что авторъ въ ней имѣлъ въ виду также свой фортепіанный аккомпаниментъ къ приложеннымъ здѣсь напѣвамъ, но правс напечатаніи его онъ оставилъ за собою.

Упомянутая на стр. 49 (въ выноскѣ) книжечка издана не въ Киевѣ, а въ Харьковѣ, подъ загл.: „Своимъ землякамъ хлѣбоборамъ“ и пр. А. К., 1876.